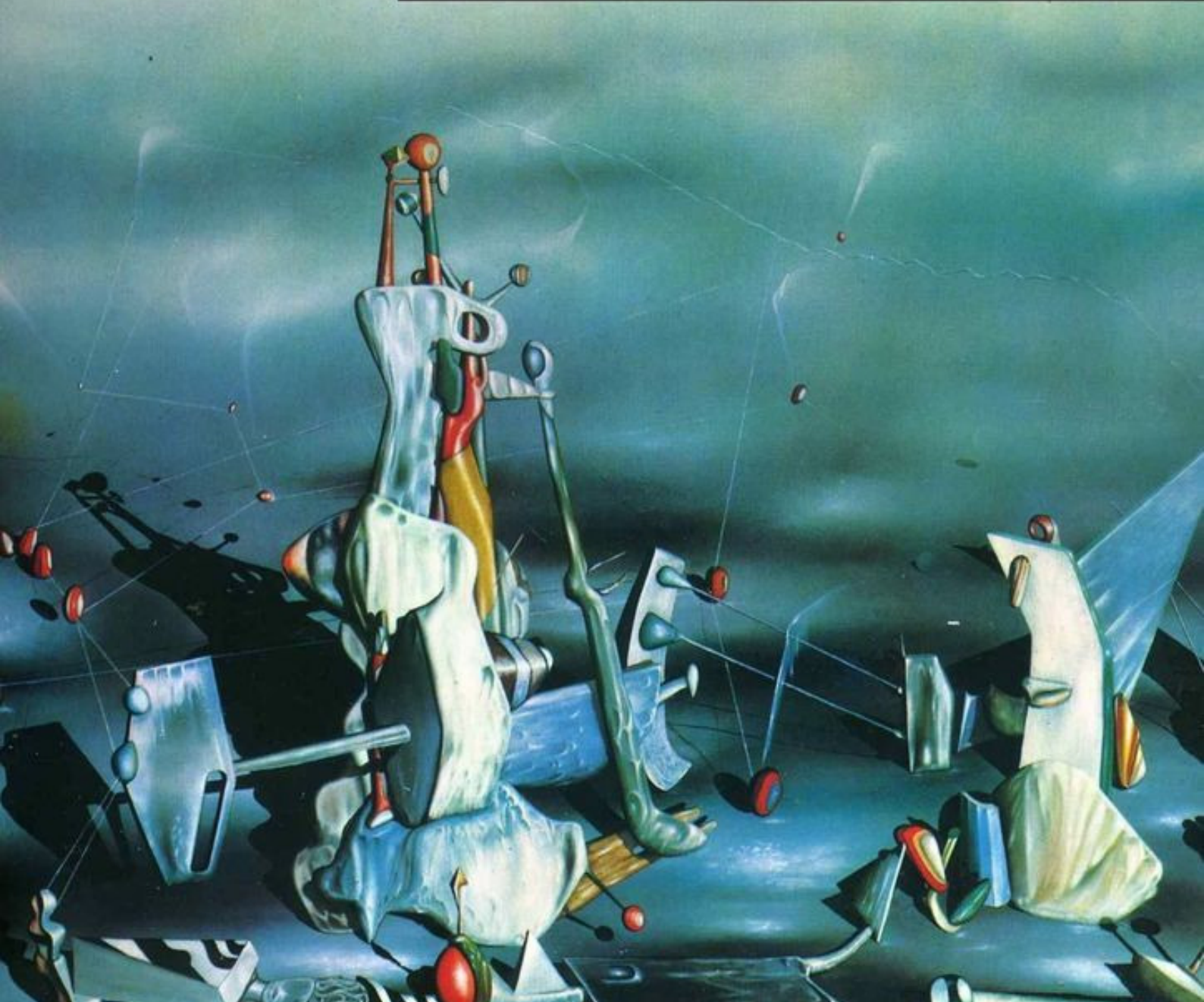
18+

АНДРЕЙ ВАРВАР

АРХИТЕКТУРА ПОЭЗИИ



Андрей Варвар

Архитектура поэзии

«Издательские решения»

Варвар А.

Архитектура поэзии / А. Варвар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983604-5

Поэт должен напомнить. Поэт должен наполнить.Поэт должен на полку, когда только подохнет.Поэзия — автопортрет свободы.Поэзия — борец с народом.Поэзия — портрет Фриды Кало.Поэзия — повешение лекала.

ISBN 978-5-44-983604-5

© Варвар А.
© Издательские решения

Содержание

Эта книга твоя… 6
Архитектура тебя 8
Распять любовью 9
Она. Загадка 10
Мне надо сказать тебе 11
Три слова. И две вечных части 12
Руки искусства 13
А что мне… 14
Метеор 15
Победит океан 16
Волны стиха 17
В красоте есть ошибка… 19
Любить – значит ненавидеть 20
Любовный сомелье 22
Настроение 23
Я говорю устами свободы 25
Я к миру иду с раскрытыми ладонями… 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Архитектура поэзии

Андрей Варвар

© Андрей Варвар, 2020

ISBN 978-5-4498-3604-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга твоя…

Эта книга твоя, но не знаю,
кто её сочинил.
Она – слияние невозможного,
будто дорога Сочи-Нил.
Я не писал стихи,
их автор не я, а стихия
и химия чувств,
что хитрая химера хилая.

Эта книга твоя,
но не знаю, правильно ли
называть тебя Праздник,
как делал когда-то Дали.
А может, сюжетно отвергнешь
меня, как Лу Саломе?
Украсишь мною себя,
как зал, картиной Мане?

Эта книга твоя.
Эта книга – сам я.
Эта книга – семья
из сотен страниц,
что приютили рифм странниц.
Эта книга – кардиограмма,
она свидетель великого чувства.
Эта книга твоя,
её сочинили во имя искусства.

Я дарю тебе книгу: это всё, чем владею.
Я дарю тебе главное – поэта идею.
Я дарю тебе то, что не дарил никогда:
я дарю тебе славу, а с ней и себя.

И пусть я ничтожен, жалок и глуп.
И пусть я играю в поэта и глух
мой читатель к словам, что я пишу.
Винить себя я отнюдь не спешу.

Эта книга жива, и ты её мать.
И дочь твою скоро будут ждать,
как гостя почётного всея Руси,
но её ты от славы пока упаси.

Я стану известен лет в сорок пять.
Но правда, знаешь, на это плевать.

Я просто хочу увековечить тебя,
ведь если не ты, то кто же я?

Единое целое на единой сцене.
Единое целое с единой целью.
Единое целое воедино сцеплено.
Единое целое навсегда целое.

Архитектура тебя

Мне
хочется
передать
картиной
твою
страсть.Мне хочется
тобой наслаждаться
каждый день всласть.
Я у судьбы отберу
нити, возьму власть
над архитектурой
тебя, 29.01.1999
Здесь пропущено
имя, но быть
его не должно,
ибо без имени то,
что уже сожжено.
Сначала в пепел тебя
обращу, затем на воду
тебя опущу. Ты будешь
плавать по глади,
кувшинка.
Я буду гладить тебя,
пушинка.
Ты будешь парить, но упасть тебе суждено, упасть, чтобы моей фан-та-зией стать, панно.
Ты будешь парить, но страсть тебя утянет на дно, чтобы моей фан-та-зией стать, Полотно.

Распять любовью

Я хочу распять тебя любовью,
я хочу рисовать твои брови,
я хочу в ладони твои гвозди,
а между пальцев – поцелуев грозди.
Я хочу к стене тебя пригвоздить:
это мой способ тебя любить.
И разве рабством кажется это?
О нет! Ты стала душой поэта.
Я сожгу сырой лес твоих волос,
воздвигну красе твоей Колосс,
я украду твою пылкость томного взора
и пронесу сквозь пыль в котомке вора.
Я сотру с твоих губ улыбку,
она для меня превращается в пытку,
когда умираю от чувств избытка,
я ощущаю себя избитым.
Во времени летят линии тела,
они стираются, как следы от мела.
Я отметаю страхи и вздохи распада,
от мели спасусь, коль придётся раз падать.
Я хочу тебя расколоть и разбить:
это мой способ тебя любить.
Я хочу тебя созидать и ваять:
это мой способ себя забывать.
Я хочу тебе подарить монумент,
чтобы ты поняла, что значит момент.
Я хочу показать, что значит любовью казнить:
это мой способ убийства амбиций возни.
Я хочу тебе стих подарить,
что написан с любовью и грустью.
Я хочу тебе ничего не дарить,
чтобы ты поняла,
что и это искусство.
Я хочу тебе подарить пробела пустоту,

я хочу тебе подарить
проблемы на плоту,
я хочу тебе подарить
блаженство наверху,
но я подарю тебе мир без меня:
вот, люби пустоту!
Я хочу тебе подарить постамент,
чтобы там был я,
которого нет…

Она. Загадка

Невыразимое словом хочется выразить,
невыносимое чувством хочется вынести,
невозможного груз навьючен на волю,
а возможное – здесь выходит на волю.
Как мало мне словом дано созидать!
Как много мне сердцем дано понимать!
Сколь мало вообще значат слова,
столь много всего нужно сказать.
Идеи летают, подобно птицам,
мысли желают воедино слиться.
И где же она, что соберёт вереницу,
даст маски актёрам? Людям – лица?
Музыка скажет, о чём слово молчит,
слово опишет, о чём скрипка кричит.
Но может ли нота словом стать,
и подойдёт ли слову нотный стан?

Дружба музыки и слов,
смерти каменный заслон
раздирает до основ,
а на деле – это сон.

Она.
Невыразимое выразит.
Она.
Невыносимое вынесет.
Она.
Сочетание нот и смысла.
Она.
Полёт стиха ею выстлан.

Мне надо сказать тебе

Мне надо сказать тебе

Но…

Мои слова больны:
у них сердечная недостаточность.
Предложения отдыхают,
разбив лагерь палаточный.
Текст надо мной смеётся:
у него смех припадочный.
Смысл спорит и угрожает
доводом палочным.

Бунт выразительных средств
вешает нос.
Курс метафор низок:
на них падает спрос.
Рифмы сбросились вниз,
став асфальтом.
Знаки препинания стали
кусками с Мальты.

Всё стихосложение —
боль, тихое жжение
твоего луча, целующего линзу.
Твои глаза выжигают огонь
на бересте новых смыслов.
Но его записать и оставить
никак нельзя,
ибо знак не выражает
суть тебя.
Что я скажу иероглифом,
что в любви признаётся?
Ничего,
ибо любовь
только в молчании слов познаётся.

Три слова. И две вечных части

На твоё письмо ответ – молчание.
Ведь слова обнажают чаяние,
что скрыто должно быть внутри,
где и живут желанных слова три.

Я не имею к ним причастности:
слова – в любви всего лишь частности.
К чему они, когда на части
меня разрывает счастье?
Не я пишу, а мысли дышат,
в стихах дыхание услышит
тот, кто, поднимаясь выше,
не требует чего-то свыше.

Наивность. Простота. Молчание.
И счастье. Три слова.
И постоянное участие.

Сложность есть поражение, несчастье.
Ложность есть положение несчастных.

Наивность. Простота. Молчание.
И счастье.

Три слова.
И две вечных части.

Руки искусства

Вы скажете: «Я безумен и зол».
Вы скажете: «Я беззубый осёл».
Вы скажете: «Я мучитель основ».
Вы скажете: «Я – ну так, пустослов».

Вы скажете: «Я безбожник и хам».
Вы скажете: «Я осквернил Его храм».
Вы скажете: «Я – ну так, просто срам».
Вы скажете: «Я глуп не по годам».

Вы скажете: «Я сжёг Нотр-Дам».
Вы скажете: «Я угодник всех дам».
Вы скажете: «Я ценитель всех драм».
Вы скажете: «Я – ну так, болван».

А я вам скажу: «Вы молчите, черти,
ведь вам даны лишь услады черни!
А я слышал игру богини, честно!
Любить её руки – моё дело чести».

Толпа галдит, что Христос Воскрес,
но не слышит музы, дара небес.
Её ноты воскреснут, словно Иисус,
сама вечность узрит музыки вкус.

Поджигаю свечой сборник стихов,
разрываю список новых грехов…
Её руки бесценны. Спросите волхвов!
Она кормит ими свирепость волков.

Эти руки летят по струнам скрипки,
эти руки воздушны и сладко липки,
эти руки ласкают мои волосы-нитки,
эти руки – пески, что слишком зыбки.

Эти руки – талант, я целую их нежно,
купаю в водах восторга прибрежных,
грею огнём своих книг, когда снежно, —
это мой способ сказать, что я вежлив.

Над смертью победа сияет в любви:
искусству, религия, в сердце вложи
метафору жизни, не капельку лжи,
и про руки её непременно скажи!

А что мне…

А что мне весь мир – дымка тумана?
А что мне страна – заложник обмана?
А что мне богатство – жертва кармана,
когда обнимаю я трепетность стана?

А что мне весна, весь снег её талый?
А что, мне тесна грудь моя стала?
А что, погибает она? Воздуха мало?
Я не дышу: со мной счастье играло.

А что мне клубок горя Вселенной?
А что мне кубок мира нетленный?
А что мне сансара – круга бессменность,
когда я с тобой почти бессмертный?

А что мне лето, весь жар его бед?
А что, мне света не видеть сто лет?
А что, я ослеп? Потерян след?
Меня без тебя почти уже нет.

А что мне осень, весь шёпот листьев?
А что мы просим, поднимаясь ввысь?
А что, мы больше не пишем писем?
Умерла любовь. Потерян смысл.

А что мне зима, весь гул метели?
А что, мне она простынь стелет?
А что, мы вдвоём, хоть и песню спели,
наш плод любви и после смерти спелый!?

А что мне годы, что время, кончина?
А что мне погоды и бремя личины?
А что мне погоны и жизни причины,
когда я с тобой всецело мужчина.

Метеор

В небес темноте огненный след,
в звезд полноте подлинный свет —
метеор в пустоте световых лет
плывёт в простоте былых бед.

Он врезается в сферу, сгорает,
он запасается верой, алкает
встретиться с твердью губами,
но его мрачное небо пугает.

Он видел в пути своём горе
и выбрал рабство, не волю:
он предал странника долю
и пал на любовное поле.

Один в жизни микрокосме,
но вот случай бросил кости:
обещает встречу с гостьей
и из гроздей ягод косы.

Он летит земле навстречу,
украшая блеском вечер.
Розой алой он замечен,
зажигает она свечи…

В могиле воздуха гибнет,
тлеет от любви изгиба,
он в печали неба сгинет,
если не вечности глыба.

Метеор исчезает,
так метеоритом не став.
Страсть умирает,
если не знает любовный устав.

В небес темноте огненный след,
в звезд полноте подлинный свет…
Метеор или метеорит?
Любовь никогда не сгорит!

Победит океан

Если я океан безбрежный,
что любит тебя так нежно,
то зачем мне сердце режут
скалы и камни, что между?

Что между водой и сушей,
что между мной и лучшей?
Если вам дано меня слушать,
знайте: зной океан не иссушит.

Ваши камни стирает вода,
ваши скалы подточит она:
та, без чего удушье и жажда,
та, что бывает в жизни однажды.

Вы против, а океан и остров
быть вместе желают просто.
Вода – символ безмерного роста,
и однажды она затопит остров.

Вы против? Самоубийцы.
Вода утопит, замажет лица.
Вы против? Весь мир с вами?
Не захлебнитесь своими делами!

Вы против? Вы против воды?
Но я наперёд считаю ходы:
ваши попытки – агония мата,
мира не будет, не ждите пата.

Вы всё ещё против?
А хоть раз были «за»?
Победит океан.
Так сказали глаза.

Волны стиха

Твои поцелуи, как капли дождя,
стекают
по крыше
моих
щёк.
Я в пустыне погибал от жажды,
когда
ещё был
совсем
одинок.

Твои глаза, будто молний вспышки,
высекают
искры,
когда
меня
ты слышишь.
Они моим ароматом дышат
и
расцветают
лотосом
пышным.

Твой шёпот — тихий гром,
сладкий,
пьянящий
ром.
Твой шёпот — музыка Сати,
Он гладкий,
шелковистый,
как сатин.

Твой шёпот — шелковица,
Я соком умыться.
её пытаюсь

Твой шёпот — кусочек ситца,
Ты шьёшь него
мне из рукавицы.

Вся
ты
— любить.
это меня
искусство

Весь
я
— быть.
это собою
искусство
Но
разве
смогут
волны
стиха
нести
тех,
кто
живёт
в
водах
ненависти?

Вся
ты
—
это
мой
шторм
любви.
Весь
я
—
это
ветер
для
одной
тебя.

Я

С
Т
И
Х
н
у
.
.

В красоте есть ошибка…

Скажи мне, струна, что без изъянов?
Ночью луна. И на той давно ямы,
красуются впадин великие шрамы,
открываются двери в смертные храмы:
буйные ветры пороков, несчастья черты —
эти рифы ненастья познаешь и ты.
Я не видел, увы, без страданий мечты,
без царапин и бед совсем нет красоты.
А что идеально, гладко, без ряби?
А что не тревожит небесные хляби?
Возвышенно чисто только ничто,
но в нём красоте не бывать ни за что.
А что же светило? На солнце есть пятна?
И даже звезда иногда неопрятна!
Твержу одну догму по жизни я внятно:
в красоте есть ошибка.
Это истинно свято!

Любить – значит ненавидеть

Мы смотрели на реку,
в одном потоке находясь.
Мы были, как рыбы,
в одной сети видели связь.
Мы были единым,
живым организмом.
Мы даже лучи пропускали
через общую призму.
Мы были почти,
как два близнеца.
Мы были копией
мысли лица.
Мы были устами.
Они двигались в такт,
но от согласия скуки устали,
ведь слова одинаковы так:

– Эта река – наш дом, отчизна. Мы плывём по течению, но немного капризно!

– Эта река величава, протяжна, будто Нил; я бы в ней все чувства утопил.

– О да, я согласна! Я мыслю также: что рабства чувств бывает гаже?

– Не знаю, согласен, я об остроту их стекла резался дважды. Давай мы дружно «нет» им скажем?

– Давай, давай! Мы мыслим в потоке миллиардов капель. Мы оба пластичны, как медь.

– Постой, но, может, есть ещё реки?

– Брось! Есть только мы, а те – так, недочеловеки.

– И верно! Скользим мы по мысли единой воде, несогласные с нами, горите в огне.

– О как мы прекрасны в своей схожести! Мы так уникальны! Боже, прости, мы идеальны.

Копошатся две рыбы в единстве сетях,
они не узнают о тех путях,
что открываются рыбам из разных рек,
ведь только в конфликте и жив человек.

– У нас много общего?

– Коммунальная квартира идей.

– А может ли схожесть родить новых, уникальных детей?

– Но ты мыслишь, как я!

– И какой во мне толк? Я один твой страх обращаю в полк!

– Я мыслю, как ты…

– Что ж, тогда будь мне другом.

– Зачем?

– Чтобы мы страдали в одной Кали-юге.

Друзья!
В ваш диалог посмела вмешаться любовь.
Она не против дружбы,
но не любой
способен взять и просто другого любить,
ведь для этого прежде нужно врагом ему быть.

Друзья!
В ваших умах – сквозняк слабости,
вам для любви не хватает малости:
чтобы любить, искупайтесь в ранах вражды.
Ненависть, ты – любовь,
только чуть-чуть подожди.

Я люблю тебя!
Почему?
Потому что проклинаю твой образ мышления,
ненавижу твой страх и сомнения,
презираю духа свободы забвение…
В тебе я ценю от моего отличное мнение.

Любить – значит отличия видеть.
Любить – значит ненавидеть…

Любовный сомелье

Купать тебя в красном вине,
забыв совсем о твоей вине.
Я бы выпил тебя: ты вино белое,
я бы вылил тебя, если б был смелый я.

Но вылить вино, когда любишь одно —
алкогольный вкус твоего поцелуя?
Я бы вылил себя, если бы жил,
совсем твоих губ не целуя.

Твой терпкий вкус, смешанный с ядом.
Сладкие губы: аромат мармелада.
Моя любовь и жизни услада,
я хочу, чтобы ты всегда была рядом!

Настроение

Настроение – грусть,
настроение – радость…
Нас строения груз засыпает малость.
Однако и мы засыпаем.
Старость.
На строение пусть опускается пакость.
Нас троение? Пусть.
Вы пьяны? Слабость?
Нас трое? Говорим о настрое?
Нет. Двое.
На Трое ты? Сидишь на троне?
Нет. Стоя.
Настроил неги ульи? Пчёлы чувств живы?
Настроил себя:
не стоит за неё рвать жилы.
Нас роение? – это вопрос пчёл настроения.
Нас со временем с горем смешают, с роем.
Наст семьи именно мы строим,
летаем строем.
Насть, семьи – именно мы.
Стоим дороже строя.
Ну а потом для безумца
мы два на два роем.
Роем всем роем.
Роем всем, роем.
Прямо всем роем.
Одну могилу погибшим сердечным героям…
Одну на всех.
Ведь они погибали при бое,
купая уста в поцелуях моря,
в чужом прибое,
покупая у ста
пёстрых устриц жемчуг слов.
Они, устав, всё же писали
чувств устав,
но смерть-удав всё забрала,
взамен ничего не дав.
No lov3…
Я знаю:
залезу и я в ложе Прокруста,
услышу костей музыку хруста.
Ошибусь.
Вновь прокляну все чувства.
Открою себя, а там уже

пусто.

И да: так никогда не вещал
Заратустра…

Я говорю устами свободы

Голос стремится к небесным сводам,
слова поражают сердца народов,
рифмы раздвигают даже воды —
всё это стихи от избытка свободы.

Где-то во мне Небесное царство,
где-то во вне погоняют паству.
Быть в стойле – признак веры разве?
По мне, это первый призрак заразы.

Овце обещали, что шерсть её
ждёт лёгкий посмертный полёт.
Но знает волк, кто так поёт:
он именем Бога овец стрижёт.

Что хуже: быть открытым врагом
или лицемерно врать без погон,
что с тебя сорвал твой генерал.
Ведь ты не мне, ты себе соврал.

Мне не нужен пафос цитат великих,
мне искренне жаль таких безликих.
Любовь просеет тебя через сито,
и фарисейство твоё будет убито.

Если ты говоришь устами Бога,
тогда я говорю устами свободы!
И ещё неизвестно, кто в доме у Бога,
а кто лишь играет в доме убогом!

Я к миру иду с раскрытыми ладонями…

Я к миру иду с раскрытыми ладонями,
ведь в сердце любовь, а в душе гармония.
Я обнять готов порой постороннего,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.